

Глава 2: Обычный Особенный Ученик

Шэн Янь бросил взгляд на Нин Суна, услышав эти слова.

«Говорят, он из Нижней Гавани» сказал Ли Цинъюань.

Все они слышали о Нижней Гавани. Слышали – да. Но ни один из этих «золотых» мальчиков там никогда не бывал. И вот теперь, глядя на Нин Суна, нищета Нижней Гавани вдруг обрела черты... Она стала осязаемой.

«Там что, настолько бедно?..»

Был солнечный весенний день – неяркий свет, распускающиеся деревья, обычное утро, полное жизни. Простое, и в то же время не совсем... Тогда никто и представить себе не мог, что совсем скоро этот мальчик нарушит покой всей школы. Он ворвётся, как самый заурядный камешек, брошенный в реку: поначалу никто не обратит внимания, как он тонет, уходя ко дну... но в какой-то момент волна поднимется – запоздалая, мощная, как глухой раскат.

И тогда тот самый Нин Сун, некогда бледный, почти бесцветный, исчезнет без следа, уступив место совершенно другому Нин Суну.

Его волосы были чёрными и мягкими, как водоросли, уголки глаз изящно приподняты, а янтарные радужки – соблазнительными и в то же время наивными. Губы – влажные, алые, будто смоченные розовым соком. Кожа – гладкая, светлая, ровная, такая, что даже лёгкий щепок наверняка оставил бы на ней красный след. В нём было столько красоты, что он казался почти грехом, ведь выглядел ярче и притягательнее летней розы.

Он был подарком от Бога, благословением и проклятием одновременно.

У Академии Истон было четыре корпуса общежития. Они считались лучшими во всей провинции. Большинство школ для мальчиков проповедовали строгость и простоту, исходя из принципа: «роскошь развращает, а скромность воспитывает». Например, в Сент-Грейс, одной из других Четырёх Великих Частных Школ, стояли двухъярусные кровати, а всё общежитие управлялось по образцу военного лагеря.

В Истоне распределение шло по цвету табличек на дверях, который соответствовал совокупному рейтингу учащегося. Разумеется, это не касалось отпрысков богатейших фамилий. Эти были знатью среди знати – и, само собой, жили в лучших условиях.

Из четырёх зданий, Первая Башня была самой малонаселённой. Это было общежитие пятизвёздочного уровня: охрана, управляющий, уборщица – всё, как в элитном отеле. Сейчас в Первой Башне жило всего восемнадцать человек. Количество комнат – ограничено, а значит, и число жильцов на каждом уровне фиксировано. Если один поднимался в рейтинге, значит, кто-

то другой должен был уступить место. Конкуренция была жёсткой, и школа искусно использовала это, чтобы подстёгивать учеников, и никто из них не смел расслабляться.

Четвёртая Башня была с самыми скромными условиями, она вмещала второе по численности количество жильцов. В здании проживало более восьмидесяти человек.

Большинство учащихся, конечно, жили во Второй и Третьей Башнях – зданиях среднего уровня. Там располагались апартаменты на трёх человек с общей гостиной. У каждого была своя личная спальня, но гостиная была общей. То есть, соседей избежать было нельзя.

Нин Сун слышал историю от друга, как один парень поселился во Второй Башне, и несколько ухажёров чуть не подрались из-за возможности стать его соседом по комнате. Эти ухажёры расхаживали повсюду, как павлины, стараясь всеми возможными способами улучшить свои баллы, задействовали связи и из кожи вон лезли, чтобы угодить своему возлюбленному, разыгрывая настоящую драму, полную скрытых интриг. Самое интересное было в том, что всё происходило тайно. Объект их ухаживаний ничего не подозревал, поэтому вся борьба напоминала бой на скрытых клинках без крови.

Тогда он слушал рассказы друга без особого интереса, но теперь, оказавшись в гуще событий, ему действительно стало любопытно, кто же были главные действующие лица всех этих историй.

Четыре общежития находились довольно далеко друг от друга, особенно Первая Башня. Она стояла по ту сторону надземного моста, в районе, где жили преподаватели. Рядом было море, и вид из окон, скорее всего, открывался просто потрясающий.

Он бросил взгляд на Первую Башню. Снаружи она была облицована тёмно-серым гранитом, а окна были из матового стекла оттенков красного, белого и золотого цвета. Сквозь белые соцветия акации он смутно видел огромный фонтан перед зданием общежития.

«Просто дружеское напоминание» холодно произнёс Чжоу Лу, заметив, куда юноша смотрит. «Лучше держись подальше от того моста. Ничего хорошего тебе это не принесёт».

Он всё понял.

Если бы у него был чёрный бейдж, как у них, он, возможно, мог бы попытаться пообщаться с теми учениками. Но при его нынешнем положении, лучше не нарываться на избалованных детишек из высшего общества.

Четвёртая Башня, где он теперь жил, выглядела старой. Краснокирпичное здание с облупленными стенами. Ароматные цветы акации почти доставали до четвёртого этажа. Возможно, так было сделано специально, чтобы худшие условия мотивировали учеников, ведь здесь даже не было отдельных туалетов.

Чжоу Лу провёл его внутрь. Комната была маленькой и слегка запущенной.

«Здесь давно никто не жил. На верхнем этаже есть кладовка с уборочным инвентарём. Приберёшься сам. У тебя сегодня утром только один урок музыки, можешь пойти, когда он начнётся».

«Спасибо, старший брат».

Он кивнул. Похоже, Чжоу Лу был настоящим фанатом чистоты, потому что когда он открывал дверь, его рукав задел пыль, и он сразу начал тщательно вытирать его носовым платком.

Нин Сун впервые увидел человека, который носит с собой носовой платок.

Он подумал, что в этом высокомерном, но утончённом парне действительно было что-то от великолепного павлина.

«Павлин» отдал распоряжения и быстро ушёл. Вскоре, снизу послышался его голос. Видимо, он разговаривал по телефону: «Всё нормально... Особый студент из Нижней Гавани, чему тут он можно быть недоволен? Мистер Президент, когда вы вернётесь...»

Нин Сун закатил глаза, положил рюкзак и открыл окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Он собрал разбросанные газеты с кровати и стола, а затем зашёл в кладовку.

Он поднялся на самый верх и увидел небольшую комнатку под крышей. Снаружи, на груде старых парт и скамеек, лежала кошка.

И тут он услышал тихий звук.

Сначала он подумал, что это мурлычет та самая белая кошка. Она нежилась в лучах весеннего солнца, а тёплый ветер из окна приносил с собой лёгкую сладость – в воздухе чувствовалось, что всё вокруг просыпается и расцветает.

Весна в провинции Истон наступала рано.

Но когда он подошёл к двери кладовки, то понял, что звуки исходили не только от кошки.

За её мягким мяуканьем скрывался ещё один голос – молодой, лёгкий и приятный, как ветерок, касающийся весенних цветов, с дрожащей, едва уловимой сладостью.

Он заглянул в приоткрытую дверь и увидел в беспорядке разбросанные бутылки из-под алкоголя и парня, стоящего на коленях в клубах дыма.

На нём были хорошо сшитые школьные брюки, подчёркивающие стройные формы и тонкую талию. Он изогнул шею, приподнял бутылку и сделал несколько больших глотков.

Похоже, он услышал шаги за дверью и обернулся. Его глаза были покрасневшими, а язык – ярко-красным, словно леденец с клубничным вкусом, наполовину облизанный и снова выставленный напоказ.

«Чего пялишься?» бросил он.

Кто-то с хлестким звуком ударил этого парня по лицу.

«Ты хочешь угодить Брату Ю?»

За этим последовал взрыв злорадного смеха.

Дверь кладовки распахнули настежь, и Нин Сун увидел несколько парней в сигаретном дыму – они стояли в полумраке, как гиены.

Юноша испуганно развернулся и поспешил уйти.

В этом закрытом училище собрались сынки богатых семей, совершенно не умеющие контролировать свои гормоны, да ещё и с жёсткой, репрессивной иерархией. Всё это рождало напряжённую, гнетущую атмосферу. За фасадом уважаемого и элегантного кампуса скрывались настоящие безумцы.

Сегодня один парень прижал другого к стене. А завтра – кто-то ворвётся в чужую комнату, чтобы насильно его поцеловать. Один бедняга станет игрушкой в руках жестоких отпрысков элиты, другого, прекрасного шу, начнут яростно добиваться. Один гун мог быть снисходительным, другой – извращённым. У одного отличника под формой прятались кубики пресса, а другой – ловелас, на деле оказывался девственником.

Каждый день его лучший друг буквально визжал от восторга.

Но беда в том, что Нин Сун совершенно не интересовался жанром BL...

Видимо, его вечное равнодушие к фанатским воплям друга оказалось кармическим преступлением – потому что, проснувшись, он обнаружил, что оказался внутри вот такого вот опасного мира.

Нин Сун хотел выпрыгнуть из окна.

Он бегом сбежал вниз, вернулся к себе в комнату, и через некоторое время услышал, как с верхнего этажа доносятся шаги, будто к нему спускаются несколько человек.

Когда звук, наконец, стих, он осторожно вышел из комнаты и снова направился наверх. Но, стоило ему завернуть за угол, как он врезался прямо в группу парней.

Высокий парень в одну секунду схватил Нин Суна за воротник и поднял его, словно птенца.

Разница в росте была пугающей. По его руке, сжимающей ворот рубашки, тянулась голубоватая татуировка – она будто бы вплеталась в кожу, расходилась по венам, исчезала в рукаве и снова появлялась на шее, как дикая, живая лиана.

Ли Ю смотрел на него сверху вниз. Чёткая линия подбородка, едва заметная усмешка на влажных губах... Он заговорил небрежным тоном: «Вот ты и попался».

<http://bllate.org/book/14433/1276217>